



Владимир Чикайло

ХОЛОСТЯК

18+

Владимир Чикайло

ХОЛОСТЯК

«Автор»

2026

Чикайло В.

ХОЛОСТЯК / В. Чикайло — «Автор», 2026

Он — холостяк и музыкант, привыкший, что весь мир подстраивается под его ритм. Его стихи читают, его песни поют, а сам он остаётся где-то в стороне от настоящих чувств. Пока однажды не встречается девушку, которая кажется ему до странности знакомой. Он готов поклясться: она — героиня из книги, которую он когда-то начал писать и так и не закончил. Влюблённость становится для него испытанием: где заканчивается вымысел и начинается жизнь? «Холостяк» — роман о тонкой грани между придуманным и настоящим и о том, как одна встреча может переписать не только сюжет, но и самого себя.

© Чикайло В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Чикайло

ХОЛОСТЯК

Глава

Глава 1. Ника

Дима не любил просыпаться рядом с одной и той же женщиной два утра подряд.

Ему казалось, что на второй день исчезает главное — ожидание. Вечером ещё можно было придумать, что всё получится иначе: разговор окажется интереснее, прикосновения — неожиданнее, а ночь — длиннее. Утром же оставались чашка на подоконнике, чужая заколка возле раковины и вопрос, который Дима терпеть не мог:

— Ты позвонишь?

Он обычно отвечал уклончиво. Иногда обещал. Иногда улыбался так, будто обещание уже выполнено. Телефон после этого молчал, а Дима возвращался к своей жизни — к музыке, стихам, сцене и случайным знакомствам.

Ему было тридцать два. Он писал песни, выступал в небольших клубах, иногда читал стихи на литературных вечерах и уже несколько месяцев работал над романом о любви. Поклонниц у него хватало. После выступлений девушки подходили к нему, просили автограф, фотографировались, оставляли номера телефонов на салфетках. Дима принимал всё это как естественную часть своей жизни.

Он был уверен: жениться ему ни к чему.

Женщина в доме, по его представлениям, быстро превращалась в расписание. Завтраки, разговоры, покупки, просьбы, планы. Он боялся, что однажды проснётся и поймёт: собственная жизнь больше ему не принадлежит. А творчество не терпело тесных рамок. Для стихов нужна была свобода, для музыки — тишина, для романа — одиночество.

Секс он считал чем-то совсем другим. Простым, честным и не требующим обещаний.

В тот вечер Дима сидел за письменным столом, наклонившись над ноутбуком. За окном моросил дождь. Свет от настольной лампы падал на кружку с остывшим кофе, на разбросанные листы и раскрытый блокнот, в котором он уже несколько дней пытался написать сцену встречи главных героев.

На экране стояла одна фраза:

«Клава вошла в комнату и посмотрела на него так, будто знала о нём всё».

Дима стёр её.

Потом написал снова:

«Клава вошла в комнату, и Дима понял, что больше всего на свете хочет прикоснуться к ней».

Он откинулся на спинку кресла. Герой романа был похож на него — такой же свободный, уверенный в себе, привыкший менять женщин и уходить до того, как отношения становились серьёзными. Но Клава должна была всё изменить. Дима пока не знал как именно. Он только чувствовал: рядом с ней герой перестанет прятаться за красивыми словами.

Дима перечитал последнюю сцену.

Клава стояла у окна. На ней было светлое платье, волосы падали на плечи, а от кожи пахло чем-то тёплым — ванилью, дождём и ещё не придуманный им запахом. Она повернулась к герою, и между ними осталось всего несколько шагов.

Дима замер.

Он вдруг ощутил сильное физическое желание. Не то привычное, которое приходило вместе со случайной встречей в баре и так же быстро исчезало после неё. Это было другое — острое, почти раздражающее. Ему захотелось настоящего присутствия рядом: дыхания, голоса, чужих рук, тепла.

Он встал из-за стола и прошёлся по комнате.

— Ну и что с тобой? — спросил он сам себя.

Телефон лежал на диване. В списке контактов было достаточно имён, но звонить никому не хотелось. Одни девушки могли приехать слишком быстро и остаться слишком надолго. Другие начинали задавать вопросы. Третьи ждали от него продолжения.

Дима открыл приложение такси и почти сразу передумал. Потом вспомнил о сауне на другом конце города. Там он бывал раньше. Никаких разговоров, никаких обещаний, никаких случайных признаний.

Через несколько минут он вызвал машину.

Пока ехал, Дима снова думал о Клаве. О том, как точно описал её лицо, хотя никогда не видел такой женщины. Он даже начал подозревать, что придуманный образ теперь сильнее настоящих воспоминаний.

В сауне было жарко и пахло эвкалиптом. Администратор встретил его без лишних вопросов. Дима оплатил комнату, заказал напитки и сделал звонок. Ему сказали, что девушка скоро будет.

Он прошёл в парилку.

Сначала жар помог. Дима прикрыл глаза, стараясь выбросить из головы роман, Клаву, незнакомый запах и странное беспокойство. Но через несколько минут в дверь постучали.

— Заходите, — крикнул он.

Дверь открылась. На пороге стояла крупная женщина в строгом костюме. За её плечом виднелась девушка.

Дима сначала посмотрел на женщину, потом — на блондинку позади неё.

И замолчал.

Девушка была очень похожа на Клаву.

Не полностью. У Клавы в романе были другие глаза, другой цвет платья, другой голос. Но выражение лица совпадало — осторожное, будто она всё время ждала, что мир потребует от неё слишком многого.

— Вы заказывали девушку? — спросила женщина.

Дима с трудом вернулся к реальности.

— Да.

Женщина назвала сумму. Он расплатился, не сводя взгляда с блондинки. Та стояла, сцепив пальцы перед собой, и явно чувствовала себя неудобно.

Когда они остались одни, девушка тихо сказала:

— Меня зовут Ника.

— А я Дима.

— Я знаю.

— Мы раньше встречались?

Она покачала головой.

— Нет. Я слышала ваши песни.

В её голосе не было привычного кокетства. Ника не старалась понравиться. Она говорила коротко и смотрела в сторону, словно боялась задержать на нём взгляд.

Дима неожиданно почувствовал неловкость.

— Ты давно работаешь?

Ника помолчала.

— Сегодня первый раз.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Первый раз вообще?

— В этой работе.

Она сказала это почти шёпотом, но Дима услышал. В её лице не было ни игры, ни притворства. Только напряжение и желание поскорее закончить непривычный вечер.

Дима вспомнил, как сам когда-то впервые вышел на сцену. Тогда он тоже улыбался, говорил уверенно и делал вид, будто всё под контролем. А внутри не чувствовал ног.

— Ты можешь уйти, — сказал он.

Ника подняла глаза.

— Что?

— Если не хочешь оставаться. Я заплачу за время, но ничего не будет.

Она долго смотрела на него, словно пыталась понять, действительно ли он это предлагает.

— Вы не сердитесь?

— Нет.

— Тогда я останусь.

Он кивнул.

Они прошли в душевую. Дима включил воду, и пар быстро затуманил зеркало. Ника держалась скованно, не знала, куда деть руки и куда смотреть. Дима заметил это и впервые за долгое время не стал торопить события.

Он спросил, хочет ли она выпить воды. Потом — не холодно ли ей. Потом они почему-то заговорили о музыке.

Ника слушала его песни. Ей нравилась одна — о человеке, который уезжает из родного города и всю жизнь пытается вернуться. Дима не помнил, чтобы кто-то так подробно пересказывал ему смысл этой песни.

— Вы поёте так, будто всё уже потеряли, — сказала она.

Дима усмехнулся.

— А ты часто делаешь выводы о незнакомых людях?

— Только когда они сами рассказывают о себе в песнях.

Он хотел ответить шуткой, но не нашёл подходящих слов.

Ника оказалась совсем не похожа на женщин, с которыми он обычно проводил ночь. Она не пыталась захватить его внимание, не строила планов, не называла его талантливым и особенным. Просто сидела рядом, кутаясь в полотенце, и смотрела на струи воды.

Желание никуда не исчезло, но стало другим. Теперь Дима хотел не только близости. Ему хотелось, чтобы Ника перестала бояться.

Он осторожно коснулся её руки.

— Всё хорошо?

Она кивнула. После короткой паузы сама переплела свои пальцы с его.

Дима наклонился к ней. Поцелуй получился нерешительным, почти вопросительным. Ника сначала напряглась, но потом ответила. Он не торопился, каждый раз давая ей возможность отстраниться.

За запотевшим стеклом шумела вода. За стеной кто-то смеялся. Город жил своей ночной жизнью, а в этой маленькой комнате двое незнакомых людей пытались понять, что делать дальше.

Они остались вместе до утра.

Дима не запомнил ни одной своей привычной фразы. Не говорил Нике, что она красивая. Не обещал позвонить. Не делал вид, будто точно знает, чего хочет. Ночь прошла иначе — медленно, с паузами, с тихими разговорами и прикосновениями, которым не нужно было объяснение.

Утром Дима проснулся раньше.

Сначала он не понял, где находится. Потом увидел Нику у окна. Она стояла спиной к нему и смотрела на мокрый двор. На стекле дрожали капли дождя.

Дима сел на кровати.

Глава 2. Что будет дальше.

В памяти возвращались отдельные моменты: её смущённая улыбка, разговор о песне, осторожное движение руки, голос, который становился увереннее с каждым часом.

Такого с ним ещё не случалось.

Обычно утро приносило облегчение. На этот раз вместе с ним пришло беспокойство.

Ника обернулась.

— Вы уже проснулись?

— Да.

— Я могу уйти.

Дима хотел сказать: «Конечно». Это было бы правильно. Просто, привычно, безопасно.

Но слово не произнеслось.

Он посмотрел на неё и вдруг увидел не Клаву из романа, не случайную девушку, не красивую незнакомку, которую можно забыть к вечеру. Перед ним стояла Ника — живая, растерянная, упрямая и совсем не такая, какой он её придумал.

— Остайся на завтрак, — сказал он.

Она удивлённо улыбнулась.

— Вы уверены?

Дима взглянул на свой телефон. Там уже были сообщения от поклонниц, приглашения на выступление и напоминание о незаконченной главе.

Он впервые не почувствовал желания немедленно сбежать к своему привычному одиночеству.

— Пока нет, — честно ответил он. — Но хочу попробовать.

Ника ничего не сказала. Только снова повернулась к окну.

А Дима подумал о романе. О Клаве. О том, что вчера вечером он собирался написать сцену о выдуманной любви, а утром рядом с ним оказалась женщина, которую он не мог вписать ни в один заранее придуманный план.

И впервые за много лет ему захотелось узнать, что будет дальше.

В памяти возвращались отдельные моменты: её смущённая улыбка, разговор о песне, осторожное движение руки, голос, который становился увереннее с каждым часом.

Такого с ним ещё не случалось.

Обычно утро приносило облегчение. На этот раз вместе с ним пришло беспокойство.

Ника обернулась.

— Вы уже проснулись?

— Да.

— Я могу уйти.

Дима хотел сказать: «Конечно». Это было бы правильно. Просто, привычно, безопасно.

Но слово не произнеслось.

Он посмотрел на неё и вдруг увидел не Клаву из романа, не случайную девушку, не красивую незнакомку, которую можно забыть к вечеру. Перед ним стояла Ника — живая, растерянная, упрямая и совсем не такая, какой он её придумал.

— Остайся на завтрак, — сказал он.

Она удивлённо улыбнулась.

— Вы уверены?

Дима взглянул на свой телефон. Там уже были сообщения от поклонниц, приглашения на выступление и напоминание о незаконченной главе.

Он впервые не почувствовал желания немедленно сбежать к своему привычному одиночеству.

— Пока нет, — честно ответил он. — Но хочу попробовать.

Ника ничего не сказала. Только снова повернулась к окну.

А Дима подумал о романе. О Клаве. О том, что вчера вечером он собирался написать сцену о выдуманной любви, а утром рядом с ним оказалась женщина, которую он не мог вписать ни в один заранее придуманный план.

И впервые за много лет ему захотелось узнать, что будет дальше.

Глава 3. Только кофе

Кафе оказалось почти пустым. За дальним столиком сидела пожилая пара, у окна девушка листала книгу, а за стойкой бариста протирал чашки. Тёплый свет падал на деревянные столы, и откуда-то тянуло корицей.

Ника остановилась у входа.

— Здесь можно?

— Можно, — ответил Дима.

— Я не о кафе.

Он понял не сразу.

— Ты можешь уйти в любую минуту.

— Тогда садимся.

Они выбрали столик у стены. Дима снял пальто и повесил его на спинку стула. Ника осталась в своём тёмном пальто, только расстегнула верхнюю пуговицу. Она держала сумку на коленях, будто собиралась в любой момент встать.

Подошла официантка.

— Вам что-нибудь принести?

— Чёрный кофе, — сказал Дима.

— Мне чай. С мятой, пожалуйста.

— Что-нибудь ещё?

Ника посмотрела на Диму.

— Нет.

Официантка ушла.

Несколько секунд они молчали. Дима привык заполнять паузы. Он мог рассказать смешную историю, сделать комплимент, спросить о музыке, фильмах, работе — о чём угодно, лишь бы собеседник не успел заметить его собственное напряжение.

Но теперь ему не хотелось превращать встречу в выступление.

— Ты часто приходишь на концерты одна? — спросил он.

— Не часто.

— А сегодня почему пришла?

— Ты оставил записку.

— Я имел в виду, почему пришла именно ко мне.

Ника опустила взгляд на стол.

— Не знаю.

— Это честный ответ?

— Самый честный из тех, что у меня есть.

Принесли напитки. Ника обхватила ладонями чашку, согревая пальцы. Дима заметил, что на её запястье виден тонкий шрам.

Он не стал спрашивать.

— Песня была хорошая, — сказала Ника.

— Ты слышала её раньше?

— Несколько раз.

— В интернете?

— Да.

— И всё-таки пришла.

— Не приписывай музыке слишком много власти.

— Я и не приписываю.

— Приписываешь. Ты смотришь так, будто песня привела меня сюда.

Дима улыбнулся.

— А разве нет?

— Нет. Я сама пришла.

Он кивнул. Ему понравилось, как она это сказала. Спокойно, без желания его задеть. Ника не позволяла превращать себя в красивую часть его истории.

— Хорошо. Тогда почему?

Она долго смотрела на чай.

— Я хотела увидеть, какой ты без сцены.

— Разочаровалась?

— Пока не решила.

— Что именно тебя смутило?

— Ты всё время пытаешься понравиться.

Дима откинулся на спинку стула.

— Это моя профессия.

— Петь?

— Нет. Нравиться людям.

Ника подняла глаза.

— Тяжело?

— Иногда.

— А тебе самому кто-нибудь нравится?

Вопрос был простым, но Дима не ответил сразу.

Раньше он бы назвал несколько имён. Легко, почти не задумываясь. Среди его знакомых всегда находилась женщина, которая казалась ему красивой, интересной или желанной. Но Ника спрашивала не о внешности.

— Да, — сказал он.

— Кто?

— Ты.

Она слегка нахмурилась.

— Это не ответ.

— Другого у меня пока нет.

— Ты всегда так разговариваешь?

— Как?

— Будто каждое слово может стать строчкой в песне.

Дима посмотрел на неё и неожиданно рассмеялся.

— Нет. Иногда я молчу.

— Тебе это идёт больше.

Он сделал глоток кофе. Напиток оказался горьким и успел остыть.

На улице проехал автобус, осветив окна кафе. В его стекле на мгновение отразилось лицо Ники. Дима снова поймал себя на том, что сравнивает её с Клавой. Но теперь сходство казалось неправильным. Ника была сложнее выдуманного образа. У Клавы не было привычек, которые нужно было узнавать. Она не отводила взгляд, когда говорила о себе, не прятала руки в рукава и не проверяла время каждые пять минут.

— Ты злишься на меня? — спросил он.

— За что?

— За ту ночь.

— Нет.

— Тебе было неприятно?

Ника поставила чашку на блюдце.

— Не так, как ты думаешь.

— А как я думаю?

— Думаешь, что я жалею.

Дима промолчал.

— Я не жалею, — сказала Ника. — Просто не хочу, чтобы ты решил, будто после одной ночи я стала частью твоей жизни.

— Я так не решил.

— Тогда почему искал меня?

Он провёл пальцем по краю чашки.

— Потому что хотел увидеть тебя ещё раз.

— Этого мало.

— Для чего?

— Для того чтобы искать человека, о котором ты почти ничего не знаешь.

Дима посмотрел в окно.

— Я сам не понимаю.

— Вот это уже похоже на правду.

Он впервые почувствовал облегчение. С Никой не нужно было выглядеть уверенным. Она замечала, когда он говорил заученными фразами, и не позволяла спрятаться за ними.

— Я привык, что всё начинается и заканчивается быстро, — сказал он. — Люди знакомятся, проводят время вместе, потом расходятся. Никаких сложностей.

— И тебе этого хватает?

— Обычно.

— А сейчас?

Дима ответил не сразу.

— Сейчас нет.

Ника опустила глаза. На её лице промелькнуло выражение, которое он не успел понять.

— Что ты хочешь от меня?

Вопрос прозвучал без обвинения. Она действительно ждала ответа.

— Не знаю.

— Дима.

Он выпрямился.

— Я не хочу покупать твоё время. Не хочу делать вид, что между нами ничего не было. И не хочу обещать тебе отношения, в которых сам не уверен.

— Хорошее начало.

— Но я хочу видиться с тобой.

— Просто так?

— Просто так.

— Люди редко хотят «просто так».

— Тогда... хочу узнать тебя.

Ника чуть улыбнулась.

— Уже лучше.

В кафе вошли двое мужчин. Они громко разговаривали, стряхивая с курток дождевые капли. Дима невольно повернул голову. Один из них узнал его.

— Вы же Дима Орлов? — спросил мужчина.

— Да.

— Можно фотографию?

Дима встал. Мужчина передал телефон спутнице, та попросила его подойти ближе. Дима улыбнулся, сделал снимок, ответил на вопрос о следующем выступлении и вернулся за стол.

Ника всё это время смотрела на него спокойно.

— Тебе нравится? — спросила она.

— Что?

— Когда тебя узнают.

— Иногда.

— А когда не узнают?

— Тогда я могу спокойно выпить кофе.

— Значит, сейчас тебе не очень спокойно.

— Сейчас мне спокойно.

— Тебя только что отвлекли три раза.

— Но ты всё ещё здесь.

Ника провела пальцем по краю чашки.

— Я могу уйти.

— Можешь.

— Ты не станешь останавливать?

— Нет.

— Даже если хочешь?

— Даже если хочу.

Она посмотрела на него дольше обычного.

Дима понял, что именно сейчас должен был сделать привычный шаг. Наклониться ближе, коснуться её руки, сказать что-нибудь уверенное. Раньше он бы не стал спрашивать. Но теперь ждал.

Ника первой протянула руку через стол и коснулась его пальцев.

Прикосновение было коротким.

— Тогда не останавливай, — сказала она. — Но можешь предложить встретиться ещё раз.

Дима улыбнулся.

— Завтра?

— Нет.

— Послезавтра?

— Ты быстро привыкаешь.

— Я просто стараюсь не упустить возможность.

— В этом и проблема. Ты всё воспринимаешь как возможность.

Он убрал руку со стола.

— А что нужно воспринимать иначе?

— Иногда — как человека.

Эта фраза осталась между ними.

Дима хотел возразить, но понял, что она права. Он привык замечать в женщине детали: голос, походку, запах, линию плеч. Из этих деталей он складывал желание, воспоминание или сцену для романа. Сам человек часто оставался за пределами его внимания.

Ника не позволяла ему так с собой поступить.

— Расскажи о себе, — попросил он.

— Что именно?

— Всё, что захочешь.

— Это самый ленивый способ узнать человека.

— Тогда спроси меня о чём-нибудь.

— Ты всегда боишься конкретных вопросов?

— Только тех, на которые ещё не придумал красивого ответа.

Ника задумалась.

— Что ты скрываешь от людей?

Дима усмехнулся.

— Ты решила начать с трудного.

— Ты сам попросил.

Он посмотрел на свои руки.

— Я боюсь, что без сцены, песен и внимания никому не нужен.

Ника не перебила.

— На сцене всё проще, — продолжил Дима. — Там достаточно включить свет, взять микрофон и сказать нужные слова. Люди смотрят на тебя и сами решают, каким ты должен быть. А в обычной жизни приходится показывать то, что не умеешь.

— Например?

— Например, оставаться рядом, когда становится страшно.

Ника медленно кивнула.

— Теперь моя очередь?

— Только если хочешь.

Она посмотрела на дверь кафе. За стеклом шёл человек, прикрывая голову папкой.

— Я пришла в эту работу не потому, что мне нравится, — сказала Ника. — И не потому, что мечтала о лёгких деньгах.

Дима молчал.

— У меня есть младший брат. Ему восемнадцать. Он учится в другом городе. У него проблемы со здоровьем, и лекарства стоят дорого. Мама работает, но её зарплаты не хватает. Я тоже работала — в магазине, потом в салоне красоты. Денег всё равно было мало.

Она сжала ладони вокруг чашки.

— Несколько месяцев назад одна знакомая предложила мне подработку. Сказала, что ничего сложного. Я согласилась не сразу.

— Ты можешь не продолжать.

— Могу. Но тогда ты снова начнёшь додумывать.

Дима ничего не ответил.

— Вчера был первый клиент, — сказала Ника. — Ты.

Он почувствовал тяжесть в груди.

— Мне жаль.

— Не надо меня жалеть. Я не беспомощная.

— Я не...

— Знаю. Но многие именно так и смотрят.

Ника допила чай.

— Я не уверена, что продолжу. Сегодня пришла к тебе, потому что хотела понять, не ошиблась ли в тебе.

— И как?

Она надела пальто.

— Ошибся ты.

— В чём?

— Думал, что знаешь, чего хочешь.

Дима встал вслед за ней.

— А чего я хочу?

Ника застегнула пуховицу и посмотрела ему прямо в глаза.

— Это тебе придётся выяснить самому.

На улице было прохладно. Дождь почти закончился, только с крыш падали редкие капли. Они остановились у входа в кафе.

— Я могу проводить тебя? — спросил Дима.

— До остановки.

— Договорились.

Они пошли рядом. Между ними оставалось чуть больше расстояния, чем хотелось Диме, но он не сокращал его.

У остановки Ника достала телефон.

— Запиши свой номер.

Дима протянул ей мобильный.

— Ты сама позвонишь?

— Не обещаю.

— Я тоже.

— Хорошо.

Она набрала номер и вернула телефон.

На экране появилось имя: «Ника».

Всего пять букв, но Дима смотрел на них так, будто впервые получил не контакт, а шанс. Подъехал автобус. Ника поднялась по ступенькам, затем обернулась.

— Дима.

— Да?

— Не пиши обо мне роман.

— Я уже писал.

— Тогда хотя бы не делай меня лучше, чем я есть.

— А если ты лучше?

— Тогда тебе придётся это доказать.

Двери закрылись. Автобус тронулся, и Ника исчезла за запотевшим стеклом.

Дима остался на остановке один. Телефон лежал в его руке. Он мог написать ей прямо сейчас, отправить песню, предложить встретиться завтра или придумать красивую фразу.

Но впервые решил не торопиться.

Когда он вернулся домой, ноутбук всё ещё ждал его на столе. Дима открыл рукопись и долго смотрел на название романа.

«Клава».

Он выделил его и стёр.

Вместо этого написал:

«Ника».

Потом подумал и тоже удалил.

Имя осталось в его телефоне. Этого было достаточно.

Дима закрыл ноутбук, хотя обычно в такое время только начинал работать. Он не знал, позвонит ли Ника. Не знал, увидит ли её завтра. Не знал, сможет ли выдержать отношения, в которых нельзя заранее написать финал.

Но впервые неопределённость не казалась ему пустотой.

Она была похожа на начало.

На следующий день Дима не стал писать Нике первым — но вечером получил от неё короткое сообщение: «Ты правда умеешь молчать или только учишься?»

Глава 4. Сообщение

Дима прочитал сообщение трижды.

«Ты правда умеешь молчать или только учишься?»

Он сидел на краю кровати, держа телефон в одной руке, а другой листал пустой документ. За окном шёл снег — первый в этом году. Хлопья прилипали к стеклу и тут же исчезали, превращаясь в тонкие дорожки воды.

Дима набрал:

«Я могу молчать всю ночь».

Подумал и стёр.

Потом написал:

«Зависит от того, кто рядом».

Это тоже показалось ему слишком похожим на строчку из песни.

Он бросил телефон на кровать, но через несколько секунд снова взял его.

«А ты умеешь?»

Ответ пришёл не сразу.

«Когда рядом человек, который не пытается казаться лучше, чем есть».

Дима посмотрел на экран и нахмурился. В её словах не было прямого упрёка, но он всё равно почувствовал себя так, будто его застали за привычным трюком.

«Тогда мне придётся постараться», — написал он.

«Не старайся».

«А что делать?»

«Просто приходи».

Дима выпрямился.

«Куда?»

Ника отправила адрес. Это был небольшой сквер возле старого кинотеатра, недалеко от центра.

«Через час. Если хочешь».

Он встал так быстро, что задел коленом стол. Ручка скатилась на пол. Дима не стал её поднимать. Он быстро переоделся, несколько раз посмотрел на себя в зеркало и раздражённо пригладил волосы.

В дверях он остановился.

Раньше сборы к встрече занимали у него не больше пяти минут. Сейчас он успел сменить рубашку дважды и трижды открыть переписку с Никой, хотя новых сообщений не было.

«Если хочешь».

Эти два слова не выходили из головы.

Ника не звала его. Она оставляла ему выбор. И именно это делало встречу важной.

Сквер оказался почти пустым. Вечерний снег приглушал шаги и скрывал следы на дорожках. Старый кинотеатр за деревьями выглядел закрытым уже много лет: на вывеске не хватало нескольких букв, а афишные витрины были заклеены выцветшими объявлениями.

Ника стояла у фонаря в длинном сером пальто. В руках она держала бумажный стаканчик.

— Ты пришёл, — сказала она.

— Ты пригласила.

— Это не одно и то же.

— Для меня сегодня — одно.

Ника протянула ему второй стаканчик.

— Кофе.

— Ты запомнила, какой я пью?

— Нет. Взяла обычный.

— Хорошо. А то пришлось бы соответствовать.

Она улыбнулась.

Они медленно пошли по дорожке. Дима держал стаканчик обеими руками, но почти не пил. Он ждал, что Ника начнёт разговор, однако она молчала. И теперь ему пришлось вспомнить собственный совет — не заполнять каждую паузу.

Мимо них прошла женщина с маленькой собакой. Собака остановилась, понюхала снег и потянула хозяйку к кустам.

— Ты часто сюда приходишь? — спросил Дима.

— Иногда.

— Одна?

— Обычно да.

— Почему именно это место?

Ника посмотрела на тёмные окна кинотеатра.

— Здесь можно сидеть рядом с человеком и не чувствовать, что нужно всё время на него смотреть.

— Удобно.

— Для таких, как ты, особенно.

— Каких?

— Которые привыкли, что на них смотрят.

Дима усмехнулся.

— А ты не смотришь?

— Смотрю. Но не потому, что ты выступаешь.

— А почему?

— Пока не решила.

Они остановились возле скамейки. Снег уже покрыл её тонким белым слоем.

— Сядем? — предложил Дима.

— Она мокрая.

— Я вытру.

Он снял шарф и постелил его на край скамейки.

Ника посмотрела на него с удивлением.

— Ты всегда носишь с собой шарф, которым можно вытереть скамейку?

— Только когда хочу произвести впечатление.

— Не сработало.

— Тогда шарф можно вернуть.

Она села. Дима устроился рядом, оставив между ними расстояние. Ему хотелось подвигнуться, но он не стал.

— Ты сегодня работала? — спросил он.

— Нет.

— Хорошо.

Ника повернула голову.

— Почему хорошо?

— Не знаю.

— Дима.

Он поставил стаканчик на снег.

— Потому что я не хочу, чтобы ты делала то, чего не хочешь.

— Ты думаешь, я не могу сама решить?

— Нет.

— Тогда не решай за меня.

— Я не решаю.

— Именно это ты сейчас и делаешь.

Дима замолчал.

Ника некоторое время смотрела перед собой.

— Я знаю, что для тебя всё это непривычно, — сказала она. — Вчера ты говорил правильные слова, сегодня тоже пытаешься быть правильным. Но мне не нужен спасатель.

— Я не хочу тебя спасать.

— Тогда чего ты хочешь?

Он посмотрел на неё.

— Быть рядом.

— Это ещё не ответ.

— Хочу, чтобы ты сама выбирала, приходить ко мне или нет. Чтобы мы могли разговаривать, пить кофе, гулять. Чтобы между нами не было ощущения, будто каждый мой жест что-то от тебя требует.

Ника отвела взгляд.

— Ты понимаешь, что не можешь полностью убрать прошлое?

— Понимаю.

— Я пришла к тебе как клиентка.

— Знаю.

— Ты заплатил за моё время.

— Знаю.

— И всё равно хочешь сделать вид, будто мы встретились иначе?

— Нет. Я не хочу делать вид.

Дима подался вперёд, опираясь локтями на колени.

— Мне было бы проще сказать, что это ничего не значило. Ты ушла, я вернулся домой, всё закончилось. Так я обычно и делаю. Но я не могу.

Ника смотрела на него молча.

— Я не знаю, что с этим делать, — продолжил он. — Поэтому пытаюсь хотя бы не испортить всё сразу.

— Ты очень стараешься не быть собой.

— А какой я?

— Ты самоуверенный. Иногда грубый. Красиво говоришь, когда хочешь спрятаться. Но не такой плохой, каким пытаешься казаться.

Дима тихо рассмеялся.

— Я не пытаюсь казаться плохим.

— Пытаешься. Так безопаснее.

Он перестал улыбаться.

Ветер принёс с дороги запах бензина и мокрой хвои. Где-то за кинотеатром хлопнула металлическая дверь.

— В детстве я думал, что взрослые знают, что делают, — сказал Дима. — Потом понял, что большинство просто не признаётся, когда боится.

— А ты боишься?

— Да.

— Чего?

— Что ты исчезнешь.

Ника сжала стаканчик в руках. Крышка чуть прогнулась под её пальцами.

— Мы знакомы несколько дней.

— Я знаю.

— Ты почти ничего обо мне не знаешь.

— Я знаю, что ты слушаешь мои песни. Что заботишься о брате. Что не любишь, когда тебя жалеют. И что ты говоришь прямо, даже если человек после этого хочет спрятаться.

— Это немного.

— Для начала достаточно.

Ника посмотрела ему в глаза.

— А если я исчезну?

Дима сглотнул.

— Тогда я буду скучать.

— И не станешь искать?

— Постараюсь не искать.

— Почему?

— Потому что ты имеешь право уйти.

На этот раз Ника не отвела взгляда.

— Ты всё-таки учишься.

— Чему?

— Молчать. И отпустить.

Дима хотел пошутить, но промолчал. Ника сама придвинулась ближе. Её плечо коснулось его плеча через ткань пальто.

Они сидели так несколько минут.

— Я хочу кое-что показать, — сказала Ника.

— Что?

— Пойдём.

Она встала и направилась к кинотеатру. Дима пошёл следом. У бокового входа Ника достала из кармана ключ.

— Ты умеешь открывать заброшенные кинотеатры? — спросил он.

— Иногда.

— Это должно меня насторожить?

— Уже поздно.

Замок поддался не сразу. Дверь открылась с тяжёлым скрипом. Внутри пахло пылью, штукатуркой и старой древесиной. Ника включила фонарик на телефоне.

Они прошли по коридору, где когда-то висели афиши. Под ногами хрустело стекло. На стенах проступали пятна сырости.

— Здесь раньше работала моя мама, — сказала Ника. — Она продавала билеты. Когда кинотеатр закрыли, хозяин разрешил ей иногда заходить и забирать старые вещи.

— А ключ у тебя?

— Она дала.

— И зачем мы пришли?

Ника открыла дверь в маленький зал. Кресла были накрыты белыми чехлами, на сцене стояло старое пианино. В потолке не хватало нескольких плит, и через щели виднелись тёмные балки.

— Здесь я впервые услышала твою песню.

Дима медленно вошёл.

— Когда?

— Два года назад. У моей подруги был телефон с плохим динамиком. Она включила «На обратной стороне города». Я запомнила припев, а потом нашла песню в интернете.

— И с тех пор слушаешь?

— Не всегда.

— Почему именно её?

Ника подошла к пианино и провела пальцами по пыльной крышке.

— Потому что в ней человек не просит его вернуть. Он просто признаёт, что ему больно.

Дима посмотрел на пустую сцену.

— Я писал её про отца.

— Ты никогда об этом не рассказывал.

— Потому что никто не спрашивал.

— Теперь спрашиваю.

Он сел на край сцены.

— Отец ушёл, когда мне было десять. Сначала обещал приезжать каждую неделю. Потом раз в месяц. Потом перестал звонить. Мать говорила, что он занят, но я понимал: просто не хочет.

Ника села рядом.

— Ты тоже уходишь первым?

— Да.

— Чтобы никто не успел уйти от тебя?

— Наверное.

— И помогает?

— До сегодняшнего дня думал, что да.

В пустом зале его голос звучал непривычно тихо.

Ника положила ладонь рядом с его рукой, не касаясь. Дима посмотрел на неё, но не двинулся.

— Я не обещаю, что останусь, — сказала она.

— Не обещай.

— И не знаю, что между нами будет.

— Я тоже.

— Но сегодня я не хочу уходить.

Только тогда Дима накрыл её пальцы своей рукой.

Ника не отстранилась.

В старом кинотеатре давно не показывали фильмов. Не горел экран, не звучала музыка, никто не продавал билеты. Но Дима вдруг понял, что иногда место сохраняет не события, а ожидание. Как будто стены продолжают ждать, когда в них снова заговорят, засмеются, включают свет.

Ника прислонилась к его плечу.

— Спой что-нибудь, — попросила она.

— Здесь?

— Здесь.

— Без микрофона?

— Попробуй.

Дима начал тихо. Сначала голос дрогнул, но потом выровнялся. Он пел старую песню, которую написал ещё до первой сцены, когда выступал только перед зеркалом.

Ника слушала, не закрывая глаз.

Когда он закончил, она сказала:

— Вот сейчас ты не пытался понравиться.

— А что делал?

— Говорил правду.

Дима повернул голову. Их лица оказались близко.

На этот раз он не стал спрашивать словами. Ника сама сократила расстояние.

Поцелуй был коротким. Она первой отстранилась, но руки не убрала.

— Мне нужно идти, — сказала она.

— Я знаю.

— Не провожай.

— Хорошо.

— И не пиши сегодня.

— Постараюсь.

Ника улыбнулась.

— Не старайся.

Она ушла, оставив его одного в старом зале.

Дима сидел на краю сцены и смотрел на дверь. Потом достал телефон. В переписке уже появилось новое сообщение:

«Спасибо за песню».

Он ответил:

«Спасибо, что слушала».

Ника поставила реакцию, но ничего больше не написала.

Дима убрал телефон и впервые за долгое время не стал превращать случившееся в текст. Он просто сидел в темноте и позволял этому вечеру остаться таким, каким он был.

Без обещаний.

Без финала.

С Никиным плечом у своего и её рукой в своей.

На следующий день Дима узнал, что Ника не пришла на работу, а её брату срочно понадобилась дорогая операция.

Обновлю следующую главу: Дима захочет помочь Нике, но она воспримет его предложение как попытку купить её свободу.

Глава 5. Цена помощи

Дима узнал о брате Ники случайно.

Утром ему позвонил Сергей. Они должны были обсудить новую песню, но вместо приветствия друг сказал:

— Ты знаешь, что происходит?

— Где?

— С Никой.

Дима сразу сел на кровати.

— Что с ней?

— Она вчера звонила в клинику. Я случайно услышал разговор. Её брату нужна операция. Срочно.

— Откуда ты знаешь?

— Она работает с моей двоюродной сестрой. Я не собирался вмешиваться, но...

— Какая операция?

— Не знаю. Что-то с сердцем. Или с сосудами. Дима, я правда не хотел лезть.

Дима уже почти не слушал.

— Где она сейчас?

— Наверное, дома.

Он отключился и сразу открыл переписку. Последнее сообщение от Ники всё ещё стояло на экране:

«Спасибо за песню».

Дима набрал:

«Как ты?»

Ответа не было.

Он подождал пять минут и написал снова:

«Ника, Сергей сказал, что у твоего брата проблемы. Я могу помочь».

Сообщение было прочитано почти сразу.

Ответ появился через несколько минут:

«Не надо».

Дима нахмурился.

«Я не предлагаю ничего взамен».

«Я знаю».

«Тогда почему нет?»

Ника долго не отвечала. Потом прислала:

«Потому что ты не обязан».

Он встал и начал ходить по комнате. На столе лежали счета за аренду студии, уведомления о гонораре за выступления и деньги, которые он откладывал на новую аппаратуру. Сумма была немаленькой. Её хватило бы на первый взнос за лечение, а если продать машину — можно было закрыть почти все расходы.

Дима снова написал:

«Я хочу помочь».

Ответ пришёл через минуту:

«Ты хочешь помочь мне или себе?»

Он перечитал фразу несколько раз.

«Что это значит?»

«Ты узнал, что у меня проблемы, и теперь можешь почувствовать себя хорошим человеком. Или спасти девушку, которая тебе нравится. Или написать об этом песню».

Дима отложил телефон.

Сначала ему захотелось возмутиться. Сказать, что Ника несправедлива, что он не ищет благодарности и не собирается использовать её беду. Но в глубине души он понимал: ему действительно было важно не только помочь ей. Ему хотелось быть нужным. Хотелось, чтобы после этого Ника посмотрела на него иначе.

А значит, она попала в точку.

Через час он приехал к её дому.

Ника жила в старой пятиэтажке рядом с железнодорожными путями. Дима нашёл подъезд по адресу, который ему однажды назвал Сергей. Он не был уверен, что поступает правильно, но всё равно поднялся на третий этаж.

Дверь открылась не сразу.

Ника стояла на пороге в домашней футболке и тёмных спортивных брюках. Волосы были собраны небрежно, лицо выглядело уставшим. В руке она держала телефон.

— Зачем ты приехал?

— Поговорить.

— Мы всё уже сказали.

— Нет.

— Я сказала «не надо».

— А я услышал.

— Тогда почему ты здесь?

Дима не нашёл подходящего ответа.

Из глубины квартиры донёсся голос женщины:

— Ника, кто там?

— Никого, — ответила она, не отводя взгляда от Димы. — Сейчас уйдёт.

Дима почувствовал себя лишним.

— Я не буду настаивать, — сказал он. — Просто хотел сказать лично: я не собираюсь покупать твоё расположение.

— А что ты собираешься делать?

— Помочь твоему брату.

— Почему?

— Потому что у меня есть такая возможность.

— У меня тоже есть возможность попросить помощи у людей, которых я знаю.

— У кого?

Она сжала губы.

— Это не твоё дело.

— Правда.

— Тогда не веди себя так, будто я должна отчитываться.

— Я не веду.

— Ведёшь.

Ника закрыла дверь почти полностью, оставив между ними узкую щель.

— Я не хочу, чтобы ты участвовал в этом, Дима.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Да. Я не буду участвовать.

Она явно не ожидала такого ответа.

— Тогда зачем пришёл?

— Чтобы услышать это от тебя, а не из переписки.

Ника немного смягчилась, но дверь не открыла.

— У него операция через четыре дня, — сказала она. — Мы собираем деньги. Мама заняла у знакомых, я продала машину. Ещё не хватает. Но мы справимся.

— Я верю.

— Не надо говорить таким голосом.

— Каким?

— Будто ты уже решил, что без тебя мы пропадём.

Дима посмотрел на неё.

— Я так не думаю.

— Думаешь. Ты привык входить в чужую жизнь, когда тебе хочется, а потом считать, что можешь всё исправить.

— Я не хочу всё исправлять.

— Тогда чего ты хочешь?

На лестнице сверху хлопнула дверь. Кто-то включил воду в квартире. Между ними стоял обычный подъезд с облупившейся краской, тусклой лампочкой и запахом стирального порошка.

Дима сказал:

— Чтобы ты не исчезла.

Ника опустила глаза.

— Это не причина оплачивать операцию.

— Я знаю.

— Ты сейчас говоришь честно?

— Да.

— Тогда мне ещё тяжелее это слышать.

Она открыла дверь шире и вышла на лестничную площадку.

— Если я соглашусь, ты будешь ждать чего-то взамен. Даже если сейчас уверен, что не будешь.

— Я не стану.

— Ты не можешь этого гарантировать.

— Могу.

— Нет. Ты просто хочешь быть хорошим.

Эти слова заделали его сильнее, чем он ожидал.

— А если я действительно не хороший?

— Тогда не доказывай обратное деньгами.

Дима посмотрел на неё, потом достал из кармана конверт.

— Здесь не деньги.

Ника насторожилась.

— Что это?

— Контакт врача. Сергей нашёл фонд, который помогает оплачивать операции детям и молодым людям. Я позвонил туда утром. Они попросили документы, выписки и заключение клиники. Можно подать заявку.

Ника не взяла конверт.

— Ты уже всё узнал?

— Да.

— Без меня?

— Я не хотел заставлять тебя просить.

— Но ты всё равно полез.

— Да.

— Почему?

Дима выдохнул.

— Потому что не умею иначе. Когда человек мне дорог, я начинаю действовать раньше, чем спрашиваю.

Ника замерла.

— Я тебе дорога?

— Да.

Она отвела взгляд к окну на лестничной площадке. За стеклом проходил поезд. Вагоны один за другим пересекали город, грохотали и исчезали.

— Мы знакомы меньше недели, — тихо сказала она.

— Я знаю.

— Ты ничего обо мне не знаешь.

— Знаю больше, чем вчера.

— Этого недостаточно.

— Возможно.

Ника взяла конверт.

— Если фонд действительно поможет, я сама разберусь с документами.

— Конечно.

— И никаких денег от тебя.

— Хорошо.

— И не звони в клинику без моего разрешения.

— Хорошо.

— И не приезжай без предупреждения.

Дима кивнул.

— Хорошо.

Ника посмотрела на него внимательнее.

— Ты легко соглашаешься.

— Я пытаюсь научиться слышать тебя.

— Пока получается не всегда.

— Но я стараюсь.

— Не старайся.

Он невольно улыбнулся.

— Ты часто это говоришь.

— Потому что ты всё время стараешься.

На лице Ники появилась усталость, но теперь в ней было меньше напряжения.

— Хочешь зайти? — спросила она.

Дима не сразу понял.

— Ты уверена?

— Ненадолго.

Он вошёл.

Квартира была маленькой. В прихожей стояли три пары обуви, на стене висели фотографии в простых рамках. На одной Ника была совсем юной — с короткими волосами и широкой улыбкой. Рядом с ней стоял худой мальчик лет десяти.

— Это мой брат, — сказала она, заметив его взгляд.

— Как его зовут?

— Артём.

— Он сейчас дома?

— В больнице. Мама там.

Ника прошла на кухню и поставила чайник. Дима сел за стол, стараясь не рассматривать комнату слишком внимательно.

— Тебе не обязательно оставаться, — сказала она.

— Я знаю.

— Ты снова будешь молчать?

— Могу попробовать.

— Тогда помоги нарезать хлеб.

Дима встал.

Они готовили простой ужин. Ника достала из холодильника суп, разогрела его и поставила на стол. Дима нарезал хлеб слишком толстыми кусками. Ника ничего не сказала, только молча взяла нож и поправила край.

С кухни было слышно, как в соседней комнате работает старый телевизор. Время от времени звонил телефон Ники. Она каждый раз вздрагивала и быстро проверяла экран.

После третьего звонка она не выдержала.

— Это больница?

— Нет. Мама.

Ника ответила.

— Да, мам. Что сказали? — Она замолчала, слушая. — Поняла. Нет, я не одна. Да, сейчас передам документы. Конечно. Мам, не плачь. Всё будет хорошо.

Она закончила разговор и положила телефон на стол.

Дима ничего не спросил.

Ника закрыла лицо руками. Плечи у неё дрогнули.

Он сидел напротив и не знал, можно ли прикоснуться. Раньше он решил бы за неё. Сейчас просто ждал.

Через некоторое время Ника убрала руки.

— Врач сказал, что операцию могут перенести, если мы не внесём всю сумму.

— У фонда есть шанс?

— Не знаю.

— Тогда будем ждать ответа.

— «Будем»?

Дима понял, что сказал.

— Извини. Будешь ждать ты. Я могу только передать контакт.

Ника посмотрела на него.

— Нет. Оставайся.

Это прозвучало тихо, почти буднично. Но Дима почувствовал, как эти слова меняют весь вечер.

Он остался.

Они поели суп. Потом Ника показала ему документы, и Дима помог отсканировать их через телефон. Он заполнил вместе с ней заявку, перепроверил даты и отправил письмо в фонд.

Когда всё было сделано, они долго сидели молча.

— Спасибо, — сказала Ника.

— Не за что.

— Я не передумала насчёт денег.

— Я понял.

— Но за это спасибо.

— Тогда принимаю.

Она устало улыбнулась.

За окном снова пошёл снег. Ника встала, чтобы закрыть форточку, и остановилась у стекла.

— Дима.

— Да?

— Если с Артёмом всё будет хорошо, я не хочу, чтобы ты решил, будто спас меня.

— Не решу.

— А если будет плохо...

Она не закончила.

Дима подошёл и остановился рядом.

— Тогда я тоже не стану решать за тебя, что тебе чувствовать.

Ника медленно кивнула.

— Можно я просто посижу рядом?

— Можно.

Они устроились на диване. Ника положила голову ему на плечо. Дима не двигался, боясь разрушить это доверие.

Он не знал, сколько прошло времени, когда телефон наконец зазвонил.

Ника резко подняла голову и посмотрела на экран.

Сообщение было от фонда.

Её пальцы задрожали.

— Что там? — спросил Дима.

Ника открыла письмо и несколько секунд читала.

Потом подняла глаза.

— Они готовы рассмотреть заявку. Но им нужны дополнительные документы до утра.

Дима встал.

— Давай соберём.

Ника тоже поднялась.

На этот раз она не сказала, что справится одна.

Они до рассвета искали справки, звонили в клинику и отправляли письма. А когда первые лучи света легли на кухонный стол, Ника уснула, положив голову Диме на руку.

Он не стал будить её.

Телефон лежал рядом, экран постепенно гас. На нём осталось последнее сообщение от фонда:

«Заявка принята. Ожидайте решения».

Дима смотрел на Нику и впервые понял: помощь — это не всегда деньги и не всегда спасение. Иногда это просто возможность не оставлять человека одного, пока он сам делает всё, что может.

А утром фонд сообщил, что документов недостаточно и заявку отклонили.

Глава 6. До утра

Ника проснулась от вибрации телефона.

Сначала она не поняла, где находится. Под щекой была твёрдая поверхность — рука Димы, согнутая в локте. На кухне пахло остывшим кофе и бумагой. За окном серело утро.

Она резко выпрямилась.

— Что случилось?

Дима уже смотрел на экран.

— Фонд ответил.

Ника забрала у него телефон. Прочитала письмо один раз, потом второй. Слова оставались прежними.

«В связи с отсутствием полного пакета документов заявка отклонена».

Ниже был список справок, которых не хватало. Некоторые документы можно было получить только в больнице. Другие — в страховой компании. На это требовалось время, которого у них не было.

Ника положила телефон на стол.

— Всё.

— Не всё.

— Ты видел письмо.

— Видел.

— Они отказали.

— Сейчас отказали.

Ника горько усмехнулась.

— Какая разница?

— Разница в том, что они указали причину.

— Причина в том, что у нас нет времени бегать по кабинетам.

— Значит, будем бегать быстро.

— Дима...

— Нет, послушай. В письме написано, что заявку можно подать повторно после получения документов.

— Операцию могут перенести уже сегодня.

Он замолчал.

Из соседней комнаты донёсся звук телефонного звонка. Ника вздрогнула и схватила мобильный.

— Да, мам.

Она слушала молча. Сначала кивала, потом прижала пальцы к виску.

— Я поняла. Сейчас приеду.

Ника закончила разговор и встала.

— Артёма перевели в палату интенсивной терапии. Врач хочет поговорить с нами.

Дима тоже поднялся.

— Я поеду с тобой.

— Не нужно.

— Я знаю.

— У тебя сегодня выступление.

Он вспомнил о концерте. Вечером его ждали в клубе, а днём нужно было встретиться с музыкантами на репетиции. Это выступление он готовил почти месяц. Организатор уже перевёл часть гонорара, и отмена могла обернуться проблемами.

— Я отменю, — сказал он.

Ника резко повернулась.

— Нет.

— Почему?

— Потому что у тебя есть работа.

— Сейчас это не важно.

— Для тебя, может быть. Для меня важно, чтобы ты не превращал мою беду в доказательство любви.

Дима замер.

— Я не превращаю.

— Тогда не бросай всё из-за меня.

— Я просто хочу поехать.

— Ты хочешь быть рядом. Это другое.

— Да.

— Тогда поезжай со мной, но не устраивай из этого жертву.

Он кивнул.

Ника быстро собрала документы в папку. Бумаги расползались, несколько листов выпали на пол. Она нагнулась, но Дима оказался быстрее и поднял их.

— Этот нужен врачу? — спросил он.

— Да. И этот. Нет, подожди, он из страховой.

— Разложи по отдельным стопкам.

— Я знаю, как раскладывать документы.

— Я не сомневаюсь.

— Но говоришь таким тоном, будто без тебя я не справлюсь.

Дима положил листы на стол.

— Прости.

Ника остановилась. В её лице мелькнула усталость.

— Я не на тебя злюсь.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаешь. Я злюсь на всё. На больницу, на деньги, на врачей, на себя. На то, что в нужный момент не могу просто достать необходимую сумму и решить проблему.

— Я тоже злюсь.

— Тебе не обязательно.

— Мне не обязательно, но я злюсь.

Ника посмотрела на него и впервые за утро позволила себе улыбнуться.

— Ты упрямый.

— Мне часто это говорят.

— Наверное, поэтому ты и пишешь песни.

— Я думал, из-за таланта.

— Не переоценивай себя.

Они вышли из квартиры.

Дорога до больницы заняла почти час. Пробки двигались рывками. Ника всё время держала папку на коленях и проверяла телефон. Дима несколько раз хотел заговорить, но каждый раз останавливался.

На светофоре Ника сказала:

— Расскажи что-нибудь.

— Что именно?

— Что-нибудь неважное.

Дима задумался.

— В детстве я украл у отца гитарный медиатор.

— Украл?

— Он не разрешал трогать его вещи. Я взял один и спрятал.

— А потом?

— Потом забыл, куда положил.

— И отец заметил?

— Нет. Но я два года думал, что однажды он спросит.

Ника посмотрела на него.

— И что стало с медиатором?

— Нашёлся в кармане зимней куртки. Когда я уже учился в музыкальной школе.

— И ты его сохранил?

— Да.

— У тебя он сейчас?

— Нет.

— Почему?

— Однажды подарил девушке.

— Конечно.

— Что?

— Ты всё превращаешь в историю.

— Ты сама попросила рассказать.

— Я просила что-нибудь неважное.

— Для меня это было важным.

Ника отвернулась к окну.

— А я думала, что ты умеешь только о себе говорить.

— Я стараюсь исправиться.

— Не говори так.

— Почему?

— Потому что ты звучишь как человек, который каждый разговор превращает в экзамен.

Дима посмотрел на дорогу.

— Хорошо. Не буду.

Больница встретила их запахом лекарств и резким светом. В коридоре Ника сразу увидела мать. Женщина сидела на стуле, сжимая в руках маленькую сумку. Рядом лежала папка с документами.

— Мам.

Она встала и обняла дочь.

— Где ты была?

— У меня был человек, который помогал с заявкой.

Мать посмотрела на Диму.

— Это он?

— Дима.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

Женщина кивнула, но в её взгляде читалась настороженность. Ника не стала ничего объяснять.

К ним подошёл врач — высокий мужчина с усталым лицом. Он назвал себя и попросил пройти в кабинет.

— Состояние Артёма нестабильное, — сказал он. — Мы можем провести операцию, но нужно согласование и оплата расходных материалов. Основная процедура покрывается страховкой, однако часть препаратов и оборудования — нет.

— Сколько? — спросила Ника.

Врач назвал сумму.

Ника побледнела.

— И внести нужно сегодня?

— Желательно в ближайшие часы.

— А если мы не внесём?

Врач снял очки и потёр переносицу.

— Тогда придётся искать другое решение. Я не хочу давить на вас, но время имеет значение.

Ника смотрела на стол.

— Мы внесём.

— Ника, — тихо сказала мать.

— Внесём, — повторила она.

Врач протянул ей список необходимых документов.

— Часть можно получить в страховой. Я отмечу, что нужно в первую очередь.

Когда они вышли из кабинета, Ника прижала бумаги к груди.

— Я продам квартиру, — сказала её мать.

— Нет, — ответила Ника.

— А что нам остаётся?

— Я найду деньги.

— Где?

Ника не ответила.

Дима стоял у окна. Он слышал каждое слово и чувствовал, как внутри растёт знакомое желание действовать немедленно. Перевести деньги. Позвонить знакомым. Продать машину. Сделать что угодно, лишь бы разговор закончился.

Он достал телефон.

Ника заметила это.

— Дима.

— Я просто...

— Не надо.

— Ника, мы только что слышали сумму.

— Я знаю.

— У меня есть деньги.

— Я знаю.

— Тогда почему ты делаешь вид, будто это не имеет значения?

— Потому что имеет.

— Значит, возьми их.

Её глаза стали жёсткими.

— Нет.

— Ты можешь отказаться от меня, если захочешь. Но сейчас речь не обо мне.

— Для тебя речь именно о тебе.

— Это нечестно.

— А что честно? Приехать к тебе с банковским переводом и потом каждый раз вспоминать, что без меня твой брат не выжил бы?

— Я никогда не стану так говорить.

— Ты можешь не говорить. Достаточно будет твоего взгляда.

Дима почувствовал, как у него сжались пальцы.

— Ты считаешь меня настолько мелким?

— Я считаю тебя живым человеком.

— Ты даже не даёшь мне шанса поступить правильно.

— А если я не хочу, чтобы ты поступал правильно за мой счёт?

Он отвернулся.

Мать Ники тихо сказала:

— Дети, не ссорьтесь.

— Мы не ссоримся, — ответила Ника.

Но голос у неё дрогнул.

В конце коридора открылись двери лифта. Из него вышли два медбрата, толкая каталку. На ней лежал мальчик примерно возраста Артёма. Его лицо было скрыто кислородной маской.

Ника побледнела ещё сильнее.

Дима убрал телефон.

— Хорошо, — сказал он. — Я не буду переводить деньги без твоего согласия.

Она посмотрела на него.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— И не будешь звонить своим знакомым?

— Не буду.

— Не будешь просить поклонников собрать средства?

— Не буду.

— И не станешь писать об этом в интернете?

Дима помолчал.

— Не стану.

Ника кивнула, но облегчения на её лице не появилось.

Они спустились на первый этаж. В холле стояли автомат с кофе и стенд с объявлениями. Дима заметил листовку о благотворительном концерте, который должен был пройти через неделю.

Он посмотрел на неё дольше, чем нужно.

— Что? — спросила Ника.

— Ничего.

— Ты увидел идею.

— Да.

— Какую?

— Если я выступлю сегодня, можно направить гонорар на лечение. Не просить у тебя разрешения, не брать у тебя деньги. Просто заработанные средства.

Ника закрыла глаза.

— Дима...

— Это не спасательство. Это моя работа.

— Ты сам сказал, что денег не хватит.

— Не хватит. Но, возможно, получится собрать больше.

— Как?

— Через билетные продажи. Через организатора. Через фонд при клубе. Я могу позволить.

— Ты только что обещал не звонить знакомым.

— Я обещал не просить деньги для тебя. Я могу попросить дать нам площадку и разрешить перечислить выручку.

— «Нам»?

Дима осторожно поправился:

— Твоему брату.

Ника смотрела на него несколько секунд.

— Если ты устроишь из этого публичную историю, я уйду.

— Не устрою.

— Никаких подробностей обо мне. Никаких фотографий. Никаких слов про «бедную девушку», которой все должны помочь.

— Я понял.

— И я сама решу, кому говорить.

— Хорошо.

Она опустила взгляд на папку.

— Тогда попробуй.

Дима отошёл к окну и набрал номер организатора. Тот ответил не сразу.

— Дима? Ты где? Репетиция через час.

— Мне нужно изменить программу сегодняшнего концерта.

— Только не говори, что отменяешь.

— Не отменяю. Но хочу перечислить весь гонорар на лечение родственника знакомой.

Он коротко объяснил ситуацию, не назвав Нику и Артёма. Организатор молчал, потом сказал:

— Я могу подключить владельца клуба. Но решение будет не за мной.

— Подключай.

Через десять минут ему перезвонили. Клуб соглашался перечислить часть выручки, если Дима выступит бесплатно и зрители будут заранее предупреждены. Организатор мог также открыть специальный сбор через официальную платформу, но для этого требовались документы и согласие семьи.

Дима передал телефон Нике.

— Поговори с ними сама.

Она взяла мобильный и долго обсуждала условия. Несколько раз задавала уточняющие вопросы, просила ничего не публиковать до согласования с врачом, затем назвала свои контактные данные.

Когда разговор закончился, Ника вернула телефон.

— Они помогут оформить сбор.

— Хорошо.

— Но денег всё равно может не хватить.

— Тогда будем искать дальше.

Она устало посмотрела на него.

— Ты понимаешь, что сегодня можешь потерять всё выступление?

— Возможно.

— И всё равно не жалеешь?

Дима посмотрел на двери отделения.

— Я ещё не знаю, о чём буду жалеть. Но если выйду на сцену и буду петь так, будто ничего не происходит, мне станет хуже.

Ника впервые за всё утро взяла его за руку.

— Тогда иди.

— Ты не поедешь со мной?

— Я останусь здесь.

— Я понимаю.

— Нет. Не понимай слишком много.

— Хорошо.

Она сжала его пальцы.

— Дима.

— Да?

— Вернись после концерта.

Он посмотрел на неё. В этих словах не было обещания любви. Ника не говорила, что теперь они вместе. Она просила лишь вернуться.

Но этого оказалось достаточно.

— Вернусь.

Он вышел из больницы и остановился на крыльце. Утренний город шумел вокруг, люди спешили на работу, машины медленно ползли по мокрой дороге.

Дима достал телефон и написал организатору:

«Я буду на репетиции».

Потом открыл пустой документ. Ему нужно было решить, какую песню исполнить первой.

Через секунду он написал название:

«На обратной стороне города».

А вечером, когда Дима поднялся на сцену, в первом ряду его ждала Ника.

Глава 7. Песня для Артёма

Дима вышел на сцену, когда в зале уже погасили основной свет.

Первые ряды были заняты почти полностью. Люди переговаривались, звенели бокалами, листали телефоны. У дальней стены стоял экран, на котором организаторы разместили короткое объявление о сборе средств. Ни имени Ники, ни фотографии Артёма там не было — только необходимая сумма, реквизиты клиники и номер официального счёта.

Дима настоял на этом.

Он не хотел превращать чужую боль в красивую историю для публики.

Организатор подошёл к нему перед выходом.

— Всё готово. Сбор уже открыли. Люди начали переводить деньги.

— Сколько?

— Пока немного.

Дима кивнул. Он и не рассчитывал, что одна афиша изменит всё за несколько минут.

— Ника в зале?

— В первом ряду.

Он посмотрел туда.

Ника сидела одна, в том самом сером пальто, в котором пришла к старому кинотеатру. Рядом стоял свободный стул. Она держала телефон обеими руками и не сводила взгляда со сцены.

Дима взял микрофон.

— Добрый вечер.

Аплодисменты оказались громче, чем обычно. Он улыбнулся, но не стал растягивать приветствие.

— Сегодня я немного изменяю программу. Некоторые песни прозвучат впервые, а некоторые — не в том порядке, к которому вы привыкли.

В зале стало тише.

Дима достал из кармана сложенный лист. На нём были слова новой песни, которую он написал за два часа в больничном коридоре. Он не собирался исполнять её сегодня. Считал текст сырым, почти незаконченным. Но теперь понимал: если отложит, то начнёт переписывать каждую строчку, пока от настоящего чувства ничего не останется.

Он поставил лист на пюпитр.

— Эта песня называется «До утра».

Первые аккорды прозвучали неровно. Дима сам заметил ошибку, но не остановился.

В песне не было красивых обещаний. Только коридор с белыми стенами, пластиковый стаканчик с остывшим кофе, женщина, которая держит папку с документами, и человек, который боится сделать лишний шаг.

«Я не стану твоим спасением, Не сумею отменить беду. Просто сяду рядом с дверью И останусь с тобой до утра».

Дима пел негромко. Зал слушал, не перебивая.

На последней строчке Ника опустила голову. Он не видел её лица, но заметил, как она сжала телефон.

Песня закончилась.

Несколько секунд никто не хлопал. Потом аплодисменты поднялись волной — не шумной, а тяжёлой и долгой.

Дима отошёл от микрофона и посмотрел на экран. Сумма сбора изменилась. Увеличилась почти вдвое.

Организатор стоял сбоку сцены и показывал ему большой палец.

Дима снова взял микрофон.

— Спасибо. Следующую песню я обычно не исполняю на концертах.

Он начал играть «На обратной стороне города».

Голос сначала звучал хрипло. Дима устал, не спал почти всю ночь и весь день провёл в больнице. Но в этот раз песня была не о нём. По крайней мере, он так думал.

На втором куплете он посмотрел на Нику.

Она слушала, положив ладони на колени. В её лице не было привычной настороженности. Только тревога и усталость. Но она не отвела взгляда.

Когда песня закончилась, Ника встала и вышла из зала.

Дима сбился.

Он закончил композицию, поблагодарил зрителей и передал микрофон другому музыканту. Потом спустился со сцены.

— Куда ты? — спросил Сергей.

— Сейчас вернусь.

— У тебя ещё три песни.

— Знаю.

Дима вышел в коридор. Ники там не было. Он прошёл к туалетам, затем к запасному выходу, но дверь оказалась закрыта.

На улице он увидел её возле ступеней.

Ника стояла под навесом и говорила по телефону.

— Да, мам. Я знаю. Нет, не говори ему пока. Пусть оперируют. Главное, чтобы не ждали из-за денег... Да. Я сейчас пытаюсь...

Она заметила Диму и отвернулась.

Он остановился на расстоянии.

Через минуту Ника закончила разговор.

— Что случилось? — спросил он.

— Врач сказал, что у Артёма ухудшились показатели.

— Операцию перенесли?

— Пока нет. Но могут перенести, если деньги не поступят вовремя.

— Сколько собрали?

— Организатор прислал сумму. Ещё не хватает.

— Насколько?

Ника назвала число.

Дима посмотрел на мокрый асфальт.

— Я могу...

— Нет.

Он поднял глаза.

— Я ещё ничего не сказал.

— Я знаю, что ты хочешь сказать.

— Тогда скажи сама.

— Ты хочешь оплатить остаток.

— Да.

— Мы уже это обсуждали.

— Обсуждали до того, как стало понятно, что времени почти нет.

Ника закрыла глаза.

— Дима, пожалуйста.

— Я не прошу тебя быть со мной. Не прошу благодарности. Не прошу даже встречаться после этого.

— Тогда чего ты хочешь?

— Чтобы Артёма прооперировали.

— А если я соглашусь, ты потом начнёшь считать, что имеешь право на мою жизнь?

— Нет.

— Ты не можешь знать.

— Могу знать, что сейчас мне важнее его жизнь, чем твоя благодарность.

Ника резко посмотрела на него.

— Не говори так, будто ты единственный человек, которому не всё равно.

— Я этого не говорил.

— Но ведёшь себя именно так.

— Потому что стою рядом и слышу, что операцию могут отменить!

— Я тоже это слышу!

Её голос сорвался. Ника отвернулась, прижимая пальцы к вискам.

Дима сделал шаг, но остановился.

— Прости.

— Не извиняйся.

— Хорошо.

— Не говори «хорошо».

— Что мне тогда говорить?

— Ничего.

Он замолчал.

Из зала доносилась музыка. Сергей, вероятно, уже вышел вместо него и пытался удержать программу. Люди, сидевшие внутри, не знали, что происходило за стеной.

Ника медленно выдохнула.

— Я не хочу, чтобы ты платил.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаешь. Если ты заплатишь, я буду всю жизнь помнить, что мой брат выжил благодаря человеку, с которым я однажды провела ночь. Я буду думать, что должна тебе. Даже если ты скажешь, что ничего не требуешь.

Дима не ответил сразу.

— Тогда пусть это буду не я, — сказал он. — Пусть деньги придут от фонда, от зрителей, от клуба. Но если утром их всё ещё не хватит, я всё равно внесу сумму.

— Ты обещал не делать этого.

— Я обещал не решать за тебя. Но если врач скажет, что другого выхода нет, я не смогу стоять рядом и ничего не делать.

— Это не честно.

— Возможно.

Ника отвернулась.

— Я ненавижу, что ты ставишь меня в такое положение.

— Я тоже.

Они стояли под навесом. Дождь бил по металлическому козырьку, заглушая звуки улицы.

Телефон Ники зазвонил.

Она посмотрела на экран и сразу ответила.

— Да, доктор.

Дима видел, как меняется её лицо. Сначала она напряглась, потом прижала ладонь ко рту.

— Сегодня? — спросила она. — Но денег ещё не хватает... Да. Я поняла. Мы будем.

Она отключилась.

— Операция через два часа, — сказала Ника.

— А деньги?

— Врач сказал, что клиника даст нам время до утра. Но нужно подписать документы.

Дима почувствовал, как воздух возвращается в лёгкие.

— Значит, мы успеем.

— Не говори «мы».

Он кивнул.

— Значит, успеете.

Ника посмотрела на него. В её глазах стояли слёзы, но она не позволяла им упасть.

— Мне нужно в больницу.

— Я отвезу.

— Тебе нужно на сцену.

— Я уже пропустил две песни.

— Тогда возвращайся.

— Ника...

— Если ты уйдёшь со мной сейчас, я буду чувствовать себя виноватой. Если останешься и закончишь концерт, я хотя бы смогу думать о брате.

Дима понял: она просит не бросаться следом. Просит оставить ей собственную ответственность.

— Хорошо, — сказал он.

Ника сжала губы.

— Вот теперь можешь сказать.

Он хотел обнять её, но не стал. Ника сама подошла ближе и на мгновение прижалась к его груди.

Её пальцы сжали ткань его пиджака.

— Спой последнюю песню, — прошептала она.

— Какую?

— Ту, которую ты написал сегодня.

— «До утра»?

— Да.

Она отстранилась.

— Я хочу услышать её до конца.

— Ты можешь остаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.